

УДК 93/94

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-6/1-29-36

ПОНОМАРЕВА Варвара Витальевна
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
varvarapon@mail.ru

Varvara V. PONOMAREVA
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
varvarapon@mail.ru

**ПЕРВАЯ РЕФОРМА СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА
(ИЗ ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА
ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЖЕНСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ). 1783-1785 гг**

**FIRST REFORM OF THE SMOLNIY INSTITUTE
(FROM THE HISTORY OF THE INITIAL
FORMATION OF THE SYSTEM OF WOMEN'S
EDUCATION IN RUSSIA): 1783-1785**

Феномен Смольного института, первого русского государственного женского учебного заведения, рассматривается в контексте общей образовательной политики. По замыслу Екатерины II и ее сподвижников, просвещенная мать или наставница должны были играть немаловажную роль в модернизации страны, проходившей в России в ускоренные сроки. Прошло около двух десятилетий со времени основания женского института, когда была осознана насущная необходимость его переустройства. Работа по реформированию института стала одной из задач Комиссии по учреждению народных училищ (1782 г.), которую возглавил будущий министр народного просвещения П.В. Завадовский. Автором новой учебной концепции Смольного института стал сербский педагог Ф.И. Янкович де Мириево, имевший опыт реформирования передовой на то время австрийской системы образования. Реформа коснулась всех сторон учебной деятельности института - учебной программы, методик преподавания, комплектования учебной литературы, кадрового состава преподавателей. Главные перемены в учебной программе претерпел статус родного языка, на изучение которого было обращено особое внимание. В систему преподавания внедрялись новые методики, нацеленные на осмысленное изучение получаемой ученицами информации. Занимавшиеся обучением институток учительницы-француженки с низкой компетенцией постепенно заменялись на имевших основательную подготовку отечественных педагогов, что стало целенаправленной политикой власти. Для успешной реализации предложенных мер члены Комиссии над учебной частью осуществляли постоянный надзор. Автор приходит к выводу о том, что развитие женской школы шло в общем русле развития общественной системы образования в России

This article looks at the phenomenon of Smolny Institute, the first state run educational establishment for women, in the context of general educational policy. As thought out by Empress Catherine II and her supporters, an enlightened and educated mother or mentor was to play an important role in the modernization of the country, which was happening at an accelerated pace. It became clear two decades after the foundation of the women's institute that it needed restructuring. Reformation of the institute was one of the tasks of the Commission of establishment of common population's colleges (1782), which was headed by the future minister of people's education P.V. Zavadovskiy. Serbian teacher F.I. Jankovich de Mirievo had experience of reforming the advanced (for its time) Austrian educational system, and he became the author of the new teaching system at the Smolny Institute. All aspects of teaching at the institute were transformed - teaching plans, methods of teaching, establishment of teaching literature, choice of teaching staff. Teaching of the native tongue was the main change, its status was raised, and more time was devoted to its study. New methods touched pedagogy itself, aiming to make the students think consciously about the information they have learnt. Teachers from France, who had low levels of competence, were gradually replaced by well-prepared Russian teachers. This became part of the policy. Members of the Commission kept a watchful eye on the proceedings in order to ensure successful transition and implementation. The author of the article concludes that development of women's schools, whose teaching programs covered large areas in sync with the Age of Enlightenment, proceeded similarly to the general developments in the Russian educational system.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, модернизация, Российская империя, педагогика, женское образование, Смольный институт, Ф.И. Янкович де Мириево

Key words: Age of Enlightenment, modernization, Russian empire, pedagogy, women's education, Smolny Institute, F.I. Jankovich de Mirievo

Для цитирования: Пономарева В.В. Первая реформа Смольного института (из истории начального периода формирования системы женского образования в России): 1783-1785. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 6-1. с. 29-36. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-6/1-29-36.

For citation: Ponomareva V.V. First reform of the Smolny Institute (from the history of the initial formation of the system of women's education in Russia): 1783-1785. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. No. 6-1. Pp. 29-36. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-6/1-29-36. (in Russ)

Постановка проблемы

В программе преобразований, задуманных императрицей Екатериной II, вступившей на российский престол в 1762 г., заметное место занимало народное просвещение. При этом распространение образования стало не только частью екатерининских реформ, но в то же время и одним из важнейших условий их осуществления. В соответствии с просвещенческой парадигмой провозглашалось намерение дать народу «новое воспитание и, так сказать, новое порождение». Воспитание во вновь открываемых учебных заведениях, по замыслу просветителей, должно было «произвести... *новую породу, или новых отцов и матерей*, которые детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами» [1, с. 1]. В императорском «Указе» «во всенародное известие» объявлялось, что «для пользы общества» образование необходимо не только мужчинам, но и женщинам [2, с. 1].

Женское образование явилось неотъемлемой частью разработанной образовательной программы. Первым шагом в этом направлении стало учреждение закрытых учебных заведений: Воспитательного общества благородных девиц (1764 г.) и его отделения - Мещанского училища (1765 г.), известных под общим наименованием Смольного института. Миссия нового учебного заведения имела важное значение, ведь, как указывает специалист по истории русской культуры XVIII в., екатерининские реформы были невозможны «без опоры на людей новой культурно-политической ориентации» [3, с. 81]. Женская школа должна была помочь важному государственному делу - обеспечить участие образованной матери и наставницы в проводившейся в сжатые сроки модернизации страны.

Первые годы жизни Смольного института, время становления нового учебного заведения, привлекали внимание исследователей. Однако первоначальная учебно-воспитательная программа сохраняла свою актуальность менее двух десятков лет, пока в 1782 г. не была создана Комиссия об учреждении народных училищ. Среди задач Комиссии под управлением будущего министра народного просвещения П.В. Завадовского была выработка учебных планов как новоучреждаемых школ, так и уже существовавших учебных заведений.

Деятельность Комиссии об учреждении народных училищ получила освещение как в дореволюционной, так и современной историографии [4; 5; 6]. Однако преобразования, проведенные Комиссией в Смольном институте, остаются недостаточно изученными. Полагаем, требует проверки бытующее в историографии мнение, что в XVIII в. женское образование «развивалось вне общественной системы образования» [7, с. 59].

Ревизия Смольного института

Комиссией была рассмотрена существовавшая на то время постановка учения в институте. По заключению Комиссии, преподавание наук здесь «шло не постепенно». Девиц «отягочали многими другими учениями», они «несовершенно знают языки, на которых им преподают науки, а особливо язык российский», а в старшем классе «то знание русского языка, с которым они вступили в Общество, становится им почти неизвестным». Причина заключалась в том, что большая часть предметов преподавалась иностранками, не владевшими русским языком, а сами учительницы плохо справлялись со своими обязанностями, и в результате «предубеждение к французскому довело до того, что свой российской язык делается для девиц чужим» [Российский государственный исторический архив г. Петербурга (далее - РГИА). Ф.2. Оп.3. Д.1. Л.2об.].

Подобные же недостатки были свойственны не только женской школе. Практически те же замечания были высказаны членами Комиссии Завадовского в адрес привилегированных Сухопутного Шляхетного и Морского корпусов. Проводившая в 1782 г. инспекцию частных столичных пансионов Академическая комиссия пришла к выводу, что в частных столичных пансионах постановка преподавания предметов, в том числе русского языка, находилась «в небрежении», а основным методом обучения было «затверживание» (требование учить уроки наизусть).

Сама организация занятий, обычная для той эпохи, не способствовала успеху обучения: в учебной комнате вели занятия сразу два-три учителя, уроки прерывались для театральных представлений или для «других подобных упражнений», не хватало учебных книг. Поэтому важнейшими направлениями работы Комиссии народных училищ стали подготовка квалифицированных педагогических кадров, перевод и написание учебников и учебных пособий, разработка методик преподавания, создание учебных программ.

Программа преобразований Смольного института

Особая программа, созданная для Смольного института, - «Расположение учения в Обществе благородных и мещанских девиц по введенному в народных училищах Российской империи примеру» [РГИА. Ф.2. Оп.3. Д.1. Л.3], хранящаяся ныне в фондах Ведомства учреждений императрицы Марии, состоит из «Учебного способа» (т.е. описания методов преподавания) и расписания учебного курса. Автором «Расположения учения» являлся воспитанник Венского университета Ф.И. Янкович де Мириево, принимавший участие в проведении учебных реформ в Австрии и приехавший в Россию по приглашению императрицы Екатерины II. (Один из вариантов «Расположения учения» был опубликован в юбилейном издании, посвященном Смольному институту [8, с. 129-139], требующий сверки с сохранившимся в архиве экземпляром, остался неизученным).

«Учебный способ», предложенный Янковичем для Смольного, делал особый упор на *наглядный* метод обучения, использование приемов, которые облегчали бы и преподавание, и усвоение пройденного ученицами. Среди них были «буквенная», «табличная» методы, «катехизация» (вопросы «из изучаемого и ответы на них»); занятия учителя одновременно со всеми учениками класса; общее обсуждение - «род некоторой беседы или разговора» учителей с ученицами, совместное чтение вслух.

«Учебный способ» Смольного был аналогичен «Способу учения» для народных училищ. Так, для лучшего восприятия ученицами новых сведений «Способ учения» также предписывал преподавателям составлять таблицы и вести преподавание по ним. Как разъяснял составитель, «таблица ничто иное есть, как выписка, или краткое содержание какого ни есть сочинения или книги, в котором все главные части, отделения, и сии отделения так представлены, что все в надлежащем соединении легко и удобно видеть можно» [4, с. 53]. По таблицам следовало изучать разные предметы - катехизис, грамматику, правописание, историю и физику. Рекомендовалось также «утверждать» пройденное опытами, для проведения которых необходимо было закупить необходимый инвентарь. Те же правила вводились и в женских институтах.

В младших классах учителя должны были читать вместе с детьми книги, стараясь при этом, чтобы занятия были осмысленными и дети «действительно научались разуместь» («вопрошениями исследовать, чтоб дети понимали то, что читают»). Наизусть затверживать необходимо было лишь Символ веры, десять заповедей и молитвы.

Уроки Закона Божия в институте на первых порах вел светский учитель. Это было делом обыкновенным в учебных заведениях того времени, на что обращает внимание исследователь Л.В. Артамонова [9, с. 55]. Лишь в 1783 г. в Смольном появился первый законоучитель православного исповедания - священник Иоанн Сидоровский, автор «Изъяснения воскресных и праздничных Евангелий», переводчик античных авторов. Первый учебник для уроков Закона Божия, «Пространный катехизис с доказательствами из св. Писания», также был составлен мирянином - самим Янковичем.

Учебное расписание Смольного института, изложенное в «Расположении учения»

стало более четким. Больше всего времени по новому расписанию отводилось на русский язык - 21 час на все классы. Тем не менее поставленную Комиссией задачу вести преподавание всех предметов на русском языке оказалось делом невозможным и по объективным, и по субъективным причинам (первенствующий статус французского языка в системе воспитания дворянского недоросля, нехватка русских учителей, которым к тому же предпочитали учителей иностранных). В основу преподавания русского языка в институте было положено изучение правил по учебнику, прежде всего грамматики, под которой понималась тогда, помимо собственно грамматики в современном понимании, также орфография и пунктуация [10, с. 247-248].

Трудность при изучении русского языка представляла неразработанность орфографии, степень которой в специальных трудах характеризуется как «орфографическая анархия». Лишь в конце XVIII в., как отмечают исследователи, постепенно создавались определенные предпосылки для изучения родного языка, чему способствовали работы Российской академии наук по созданию орфографических регламентаций (подготовка словарей и грамматических руководств) [11, с. 267-268; 12, с. 59-65].

Не только научные понятия, но и русскоязычные термины и речевые обороты находились в стадии формирования. В исследовании Н.И. Кузнецовой показано, как шла разработка терминологии, без которой дальнейшее развитие науки, а соответственно, и школьных знаний, на русской почве было невозможно. Еще в начале XVIII в. слово «арифметика» нуждалось в переводе - «числительница» у Магницкого, «считальная наука» в учебнике артиллерии Бринка и т.д. [13, с. 63-64]. Язык учебников той поры был тяжело-весен и сложен для понимания и запоминания.

Первоначальное «познание букв» в Смольном институте должно было вестись по азбучной таблице и складам по «таблице для складов», которые уже применялись в народных училищах. Грамматические разборы проводились на доске, чтобы весь класс участвовал в обсуждении, исправляя написанное одной из институток [РГИА. Ф.2. Оп.3. Д.1. Л.9-9об.]. Таким образом, первоначальной грамоте следовало обучать по новому методу, описанному самим Янковичем: «сие познание букв можно всего легче преподавать детям чрез написание на черной доске мелом, сперва различных тех черточек, из коих оне состоят, а потом и самих букв...», причем «буквы на доске писать должно не обыкновенным азбучным порядком» [4, с. 54]. Примечательно, что в домашнем обучении традиционный способ обучения азбуке все еще сохранялся даже спустя несколько десятилетий. Об этом, к примеру, вспоминает поэт Я.П. Полонский, учение которого началось в 1825 г. Ему купили азбуку с лубочными картинками, по которой мальчик выучил названия букв: «аз», «буки», «веди», «глагол», поскольку о «преподавании азбуки по звуковому методу тогда еще и вопроса не было. Учили по старине» [14, с. 231].

Преподавание иностранных языков в привилегированных учебных заведениях было поставлено самым серьезным образом. Особенное внимание уделялось французскому языку, языку культурного общения, обучение которому считалось важнейшей задачей. Для лучшей практики в языках девицам задавались сочинения, которые затем всем классом сообща разбирали на доске, совместно исправляя ошибки [РГИА. Ф.2. Оп.3. Д.1. Л.4-9.].

Естественные науки и физика изучались в старшем классе института. В качестве учебного пособия по натуральной истории предлагалось «Зрелище Вселенной», сокращенное из «Живописного мира» Я.А. Коменского. В Воспитательном обществе уроки натуральной истории вел выпускник учительской семинарии А.М. Теряев [РГИА. Ф.759. Оп.8. Д.12. Л.111], составивший для Комиссии первый учебник по минералогии на русском языке - «Краткое рассуждение о минералогии» (СПб., 1796). При изучении физики учитель должен был все «объяснять и утверждать опытами», расспрашивать девиц, как они понимают виденное. Преподавание геометрии и архитектуры следовало также вести наглядно: учителю предписывалось пояснять «читаемое больше видимыми, нежели отвлеченными доказательствами» [РГИА. Ф.2. Оп.3. Д.1. Л.10].

Учебный предмет «история» подразделялся на историю «священную» и «универсальную», включал в себя «мифологию» и долгое время преподавался нераздельно с географией. Русская история была разработана несравненно хуже всеобщей, ее научное изучение только начиналось. Из-за отсутствия «пригодных для употребления» учебников долгое время занятия велись по записям учителей [15, с. 765]. Такой порядок был заведен

и в Смольном институте. В 1799 г. Комиссия наконец издала учебник - «Краткую российскую историю», к которому прилагались исторические карты. Первые глобусы на русском языке появились несколько раньше, в 1786 г.

Екатерина II обращала внимание на значение преподавания отечественной географии, полагая, что «спознание России во всех ее частях *главнейшую основу воспитания и обучения детей* составлять должно» [16, с. 9]. То, что императрица обращала особое внимание на «спознание России», изучение собственной страны, ее прошлого и настоящего, с одной стороны, знаменовало новый этап в развитии этой науки (причем не только школьной науки), с другой - обозначало приоритеты учебной программы в школе, в том числе и в женских институтах, где география отныне неизменно занимала особое место среди других учебных предметов.

Учебная программа Мещанского отделения имела свои отличия. Так, чтение и письмо на русском языке преподавалось на час больше, тогда как на немецкий язык отводилось меньше времени; больше часов уделялось занятиям по Закону Божию и чтению книг на русском языке; историю, географию и хронологию учили меньше на два часа; геометрия и архитектура не преподавались [РГИА. Ф.2. Оп.1. Д.1. Л.1, 12-13об.]. Особое внимание уделялось чистописанию, поскольку многих из воспитанниц ожидала трудовая жизнь и уроки чистописания могли принести в будущем большую пользу, ведь переписка бумаг оставалась верным заработком еще долгие годы. Предполагалось, что практическая направленность обучения воспитанниц Мещанского отделения должна соответствовать будущему, которое их ожидало.

По указанию Комиссии для русской школы издавались новые учебники (в основном переводные). В Смольном институте использовались те же новые учебники, которые были изданы для всех народных училищ [см.: 9, с. 337].

В то же время составитель «Расположения учения» не забывал, что речь идет о воспитании девиц, которым предстоит стать «со временем добрыми хозяйками, верными супругами и попечительными матерями», и потому заявлял о необходимости «сочинить для того такую книжку, по которой бы они, читая ее под присмотром надзирательниц своих, наставляемы быть могли». В этом руководстве должна была идти речь о том, как «в супружеском состоянии в рассуждении мужа поступать», как вести себя во время беременности, «грудокормления, ... младенчества детей и их отрочества», а также выборе учителей и учительниц и «обхождении своем с ними», излагались бы правила домоводства, в том числе «сельское домоводство, садовые заведения, ведение приходов и расходов» и пр. [РГИА. Ф.2. Оп.3. Д.1. Л.10об.-11]. Подобное руководство так и не увидело свет. Отметим характерную для того времени черту - утопическую веру в то, что по сочиненной специально для этой цели книжке можно воспитать из девицы добрую хозяйку, верную супругу, попечительную мать. Однако нельзя не оценить намного опередившую время попытку преподавать институткам медико-гигиенические знания, которые в иных условиях и при наличии подготовленных преподавателей могли бы принести немало пользы.

Реализация программы преобразований учебной части Смольного института в 1783-1784 гг.

Для того, чтобы разработанные для Смольного института правила, методики и программы воплощались в жизнь, устанавливался контроль за преподаванием. Кроме того, был радикально изменен преподавательский состав Смольного института.

Раз в неделю институт посещал специально назначенный член Комиссии, проверявший ход занятий и соответствие «Расположению учения» проводившихся уроков [РГИА. Ф.2. Оп.3. Д.1. Л.1] . Позднее эту функцию выполнял постоянный член Совета института по учебной части. В институте появилась новая должность - надзиратель (впоследствии инспектор классов). Эта должность являлась ключевой, необходимой для лучшего руководства учебным делом, требовавшим многообразных постоянных забот. В реестре Комиссии об учреждении народных училищ мы встречаем упоминание о записках надзирателя при Обществе благородных девиц, присматривавшего за «ходом учения в

помянутых заведениях, с возложением на него обязанности подавать в Комиссию отзывы об успехах» [РГИА. Ф.730. Инв. оп.1. № 38456], хотя сами эти записи не сохранились.

Помимо введения новой должности инспектора классов, Комиссия произвела ротацию учительского состава. Число женщин в преподавательском составе института было значительно сокращено. Как свидетельствует сличение списков служащих института, большинство его прежних «учительниц» были перемещены в ранг «надзирательниц» (будущих классных дам), другие стали вести уроки рукоделия [8, с. 406-407]. Таким образом, эти женщины не были уволены и свой заработок не потеряли. Глава Комиссии П.В. Завадовский заявил, по всей видимости, подчеркивая свое отношение к их квалификации, что отныне «не будут больше нужны иностранки, носившие на себе доселе имя учительниц». Отныне учительский корпус формировался преимущественно из мужчин, что должно было способствовать повышению уровня преподавания. Подобная практика являлась российской особенностью, поскольку в женских учебных заведениях Западной Европы чаще преподавали женщины.

Выбором учителей занималась Комиссия, стремившаяся «вместо неспособных учительниц избрать искуснейших учителей». В 1783 г. в Смольном институте начинают преподавать такие деятели, как Т.П. Кириак (Кириаков), занимавшийся переводом учебных книг по заданию Комиссии народных училищ, в будущем инспектор классов Смольного, Я.И. Малоземов (русская грамматика и риторика, логика и переводы), сменивший Кириака на посту инспектора классов, дававший уроки великим княжнам Марии, Анне и Екатерине. Одни и те же учителя по-прежнему преподавали совершенно разные предметы, от «русского правописания» до арифметики. Российский педагогический корпус пополнялся медленно, что не могло не сказываться на развитии всей школы.

Под руководством надзирателя по субботам в институте устраивались постоянные повторения пройденного, когда все учителя собирались вместе и беседовали с ученицами, предлагая по очереди вопросы каждый из своей науки. Таблицы обыкновенно составлялись во время урока совместными усилиями преподавателя и учащихся. Описание таблиц, использовавшихся в те годы в учебных заведениях различного типа, встречаем в работе, посвященной московскому Главному народному училищу: «большие таблицы, раскрашенные черной краской и разделенные по главам на столбцы, в заглавиях столбцов - имена народов и государств, а на левой стороне таблиц - годы, или тысячные, или сотые». По мере продвижения в изучении истории учитель предлагал ученикам записывать мелом годы, имена и главные происшествия. Для лучшего запоминания такая таблица постоянно находилась перед глазами учеников [15, с. 788-789].

Изучение географии и истории проходились в институте «гораздо сокращеннее», чем предписывалось, хотя со временем, «по мере успехов» воспитанниц, курс расширялся, им читали, кроме сокращенной всемирной истории, также «лучших по сей части» классических писателей на французском языке.

Правильный учебный ритм еще не был отработан, и уроки по многим предметам не повторялись регулярно в течение недели, и порой их разделяло значительное время, что не могло способствовать хорошему усвоению знаний.

7 февраля 1785 г. императрица утвердила «образ учения» в Смольном, внедренный Комиссией. По замечанию Е.И. Лихачевой, прежде при назначении наград институткам главное внимание уделялось «нравам и поведению», как важнейшим частям воспитания, но в этом екатерининском указе они названы уже лишь «одной из главнейших частей воспитания» [17, с. 222]. Был изменен текст свидетельства об окончании учебного курса. Отныне в тексте отмечались конкретные достижения каждой воспитанницы: «снискала понятие о физике», «не успела в архитектуре», «в арифметике почитается 16-ю», «слаба во всех науках» [17, с. 223-224].

Не все предложенные Комиссией методики оказались применимы в тех условиях. На практике их реализация столкнулась с немалыми трудностями (в частности, их отмечал уже упоминавшийся Т.П. Кириак). Прежде всего, неудобным оказалось проведение совместных субботних бесед учителей с ученицами, составление громоздких таблиц и проч. Однако полезные приемы, как, например, подробные объяснения и обсуждения, совместное чтение, изучение на примерах грамматических правил и т.п., отвергнуты не были. Подобные же проблемы возникали и в мужских учебных заведениях. Как отмечал

А.С. Воронов, «метода Янковича, введенная в народных училищах, не сопровождалась никакими замечательными результатами; учителя, не вникнув в дух ее, обратились к механическому способу учения» [18, с. 220].

Здесь, как всегда и повсюду, успех преподавания прежде всего зависел от личности учителя. Попытки введения новых методик преподавания уже будут приняты педагогикой в будущем в более разработанных формах: это и характер беседы учителя с классом, поддержание общего внимания и работы сразу со всеми учениками, побуждение учеников к рассуждению, применение различных мнемотехнических средств.

Заключение

Дальнейший ход развития русского женского образования был предопределен прежде всего тем, что его фундамент был заложен именно во второй половине XVIII в., во время расцвета эпохи Просвещения, причем вся работа по его построению велась под эгидой образованнейшей из женщин, мудрой правительницы. Благодаря этим обстоятельствам женское образование, включавшее в целом тот же набор учебных дисциплин, что и в мужской школе, изначально получило в России широкий общеобразовательный характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бежкой И.И. Генеральное учреждение о воспитании обоого пола юношества. - СПб., 1764.
2. Указ Ея И.В. самодержицы Всероссийской из Правительствующего Сената, объявляется во всенародное известие. - СПб., 1766.
3. Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII - начала XIX в. - М., 1983.
4. Толстой Д.А. Городские училища в царствование имп. Екатерины II. - СПб., 1886.
5. Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII - начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). - Самара, 2001.
6. Зуева М.А. Создание и деятельность Комиссии народных училищ при Екатерине II // Вестник Чувашского гос. пед. университета им. И.Я. Яковлева. - 2013. - № 1-2(77).
7. Захарова Е.Ю. Феминизация российского образования: этапы становления // Гуманитарный вектор. - 2016. - Т. 11. № 1.
8. Черепнин Н.П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк 1764-1914 гг.: В 3 т. - Пг., 1915. - Т. 3. Приложения.
9. Артамонова Л.В. Закон Божий в школах России и Поволжья при Александре I // Вестник Самарского гос. университета. - 2013. - № 8-2(109).
10. Текучева И.В. Основные вопросы преподавания русского языка в XVIII в. // Вестник Владимирского гос. университета. Сер.: Пед. и психол. науки. - 2011. - № 30.
11. Сухомлинов М.И. История Российской академии. - СПб., 1874. - Вып. 2.
12. Баранов М.Т. Русский язык в школе: к 210-летию включения в учебные планы // Русский язык в школе. - 1996. - № 4.
13. Кузнецова Н.И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII - середина XIX вв.). - М., 1999.
14. Полонский Я.П. Школьные годы (начало грамотности и гимназия) // Историческая записка Рязанской 1-й мужской гимназии. 1804-1904. - Рязань, 1904.
15. Эйнгорн В. Преподавание истории в московском Главном народном училище (1786-1802) // Сб. статей, посв. В.О Ключевскому. Ч. II. - М., 1909.
16. Руднев Я.И. География в школе / В кн. «Вопросы преподавания и методики географии в средней и народной школе». - СПб., 1913.
17. Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России. - СПб., 1899. Ч. 1.
18. Воронов А. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 г. включительно. - СПб., 1849.

REFERENCES

1. Beckoj I.I. General'noe uchrezhdenie o vospitanii oboego pola yunoshestva. [Beckoj I.I. General Institution on the education of both sexes of youth] SPb., 1764. (In Rus.).
2. Ukaz Eya I.V. samoderzhicy Vserossijskoj iz Pravitel'stvuyushchego Senata, ob'yavlyatsya vo vsenarodnoe izvestie. [Decree Eya I.V. All-Russian autocrat of the Governing Senate, announced in the nationwide news]. SPb., 1766. (In Rus.).

3. Krasnobaev B.I. Russkaya kul'tura vtoroj poloviny XVII - nachala XIX v. [Krasnobaev B.I. Russian culture of the second half of the XVII - beginning of the XIX century]. M., 1983. (In Rus.).
4. Tolstoj D.A. Gorodskie uchilishcha v carstvovanie imp. Ekateriny II. [Tolstoj D.A. City schools in the reign of imp. Catherine II] SPb., 1886. (In Rus.).
5. Artamonova L.M. Obshchestvo, vlast' i prosveshchenie v russkoj provincii XVIII - nachala XIX vv. (YUgo-vostochnye gubernii Evropejskoj Rossii). [Artamonov L.M. Society, power and education in the Russian province of the XVIII - early XIX centuries. (Southeast provinces of European Russia)] Samara, 2001. (In Rus.).
6. Zueva M.A. Sozdanie i deyatelnost' Komissii narodnyh uchilishch pri Ekaterine II [Zueva M.A. Creation and activities of the Commission of Public Schools under Catherine II]. Vestnik CHuvashskogo gos. ped. un. im. I.YA. YAKovleva. 2013. No. 1-2(77). (In Rus.).
7. Zaharova E.YU. Feminizaciya rossijskogo obrazovaniya: ehtapy stanovleniya [Zakharova E.Yu. Feminization of Russian education: the stages of formation]. Gumanitarnyj vektor. 2016. T. 11. No. 1. (In Rus.).
8. Cherepnin N.P. Imperatorskoe Vospitatel'noe obshchestvo blagorodnyh devic. Istoricheskij ocherk 1764-1914 gg.: V 3 t. [Cherepnin N.P. The Imperial Educational Society of Noble Maidens. Historical essay of 1764-1914: In 3 v.] Pg., 1915. T. 3. Prilozheniya. (In Rus.).
9. Artamonova L.V. Zakon Bozhij v shkolah Rossii i Povolzh'ya pri Aleksandre I [Artamonova L.V. The law of God in the schools of Russia and the Volga region under Alexander I]. Vestnik Samaraskogo gos. universiteta. 2013. No. 8-2(109). (In Rus.).
10. Tekucheva I.V. Osnovnye voprosy prepodavaniya russkogo yazyka v XVIII v. [Tekucheva I.V. The main issues of teaching Russian language in the XVIIIc.] Vestnik Vladimirskego gos. universiteta. Seriya ped. nauk. 2011. No. 30. (In Rus.).
11. Suhomlinov M.I. Istoriya Rossijskoj akademii [Sukhomlinov M.I. History of the Russian Academy] SPb., 1874. Vyp. 2. (In Rus.).
12. Baranov M.T. Russkij yazyk v shkole: k 210-letiyu vklyucheniya v uchebnye plany [Baranov M.T. Russian language at school: to the 210th anniversary of inclusion in curricula]. Russkij yazyk v shkole. 1996. No. 4. (In Rus.).
13. Kuznecova N.I. Socio-kul'turnye problemy formirovaniya nauki v Rossii (XVIII - seredina XIX vv.). [Kuznetsova N.I. Socio-cultural problems of the formation of science in Russia (XVIII - the middle of the XIX c.)] M., 1999. (In Rus.).
14. Polonskij YA.P. SHkol'nye gody (nachalo gramotnosti i gimnaziya) [Polonsky Ya.P. School years (beginning of literacy and gymnasium) Yusch. Historical note of the Ryazan 1-male gymnasium. 1804-1904]. Istoricheskaya zapiska Ryazanskoj 1-j muzhskoj gimnazii. 1804-1904. Ryazan', 1904. (In Rus.).
15. Ehjngorn V. Prepodavanie istorii v moskovskom Glavnom narodnom uchilishche (1786-1802) [Ehngorn V. Teaching History at the Moscow Main National School (1786-1802)]. Sb. statej, posvyashchennyh V.O Klyuchevskomu. CH. II. M., 1909. (In Rus.).
16. Rudnev YA.I. Geografiya v shkole [Rudnev I.I. Geography at school]. V kn. «Voprosy prepodavaniya i metodiki geografii v srednej i narodnoj shkole». SPb., 1913. (In Rus.).
17. Lihacheva E.I. Materialy dlya istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii [Likhacheva E.I. Materials for the history of female education in Russia. SPb., 1899. P. 1]. SPb., 1899. Ch. 1. (In Rus.).
18. Voronov A. Istoriko-statisticheskoe obozrenie uchebnyh zavedenij S.-Peterburgskogo uchebnogo okruga s 1715 po 1828 g. vklyuchitel'no [Voronov A. Historical and statistical review of educational institutions of St. Petersburg school district from 1715 to 1828 incl.]. SPb., 1849. (In Rus.).

Информация об авторе:

Пономарева Варвара Витальевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория русской культуры, исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
varvarapon@mail.ru

Information about the author:

Varvara V. Ponomareva, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Laboratory for History of Russian Culture, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
varvarapon@mail.ru

Получена: 03.10.2018

Received: 03.10.2018